

ПОСЛЕ
ПЕРВОЙ
ЛЖИ

Мунира Вагина

18+

Мунира Вагина

После первой лжи

«Автор»

2026

Вагина М.

После первой лжи / М. Вагина — «Автор», 2026

У Милы Волконской есть всё, что принято называть счастливой жизнью: надёжный муж, взрослеющая дочь, любимая работа и дом, который она сама создала. Но одна встреча с Борисом Гудманом заставляет её впервые спросить себя: когда она перестала жить и начала только соответствовать? Борис не ухаживает. Он спорит, раздражает, видит слишком много и опасно точно называет то, о чём Мила привыкла молчать. Ночная переписка превращается в тайну, тайна — в поцелуй, а затем наступает ночь, после которой назад уже не вернуться. Но настоящая измена оказывается лишь началом. Мила узнаёт: её муж Андрей много лет скрывал собственное предательство, а Борис появился в её жизни вовсе не случайно. Любовь, месть и старая ложь связывают троих куда крепче, чем она могла представить. Теперь Миле предстоит выбрать не между двумя мужчинами. Ей придётся решить, кем она останется, когда рухнут и хороший брак, и запретная любовь.

© Вагина М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Кольцо	5
Глава 2. Хороший муж	11
Глава 3. Мужчина, которому всё равно	15
Глава 4. Первая граница	22
Глава 5. Не пишите мне ночью	27
Глава 6. Телефон	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Мунира Вагина

После первой лжи

Глава 1. Кольцо

Мила сняла обручальное кольцо не потому, что собиралась изменить мужу. По крайней мере, именно это она сказала себе, когда тонкий золотой ободок легко соскользнул с пальца и лёг рядом с чашкой.

Борис Гудман посмотрел не на кольцо — на пустую полоску кожи, которая осталась после него.

— Вам оно мешает.

— Чему?

— Быть честной.

Мила усмехнулась. У него была неприятная манера произносить опасные вещи спокойно, почти буднично, будто он не вторгался в чужую жизнь, а уточнял высоту потолка.

— Мы знакомы двадцать минут.

— Поэтому мне легче заметить то, чего не замечает человек, который знает вас шестнадцать лет.

Она должна была встать. Поблагодарить за кофе, закончить встречу и вернуться к разговору о реконструкции старого загородного отеля. Вместо этого Мила положила ладонь на стол и почему-то оставила кольцо лежать между ними.

За три месяца до той ночи, когда Андрей узнал всё.

Утро началось с обычного раздражения на собственную пунктуальность. Мила приехала в бюро раньше остальных, хотя ночью закончила рабочую переписку почти в два. В девять двадцать пять в стеклянной переговорной уже лежали образцы камня, распечатки планов и тонкие папки с визуализациями нового проекта. В девять двадцать семь она поправила один из планшетов на два сантиметра влево. В девять двадцать восемь поняла, что делает это второй раз, и заставила себя отойти от стола.

— Если ты продолжишь выравнивать мир по линейке, он однажды тебе отомстит, — сказала Лариса, её помощница, заглянув в переговорную с двумя стаканами кофе.

— Мир может отомстить после презентации.

— Клиент сложный?

— Клиент богатый. Это почти всегда сложнее.

Лариса поставила кофе рядом с ноутбуком.

— Владелец сам приедет?

— Да. Борис Гудман. Сорок два. Купил отель два года назад. До этого занимался инвестициями, потом зачем-то решил спасти дореволюционную усадьбу от превращения в свадебный банкетный зал с пластиковыми колоннами.

— Уже нравится.

— Мне тоже. Пока не познакомились.

Мила открыла последнюю визуализацию. На экране старый корпус отеля выглядел так, как она хотела: не омоложенным, а возвращённым к жизни. Светлый камень, тёмное дерево, большие окна, минимум декоративного шума. Внутри — пространство, где старые стены не пытались притворяться новыми.

Она любила именно такие проекты. Не строить с нуля, а понимать, что можно сохранить, что придётся убрать и что нельзя трогать, даже если очень хочется сделать удобнее.

Через минуту дверь переговорной открылась.

Сначала вошёл мужчина из юридического отдела заказчика, которого Мила уже видела на видеоконференции. За ним — Борис.

Она почему-то ожидала другого. Более демонстративного человека, возможно, в дорогом костюме и с той особой уверенностью, которой некоторые мужчины пользуются как визитной карточкой. Борис был в серой рубашке без галстука и тёмном пиджаке. Высокий, подтянутый, без показной небрежности. В его лице не было ничего мягкого, но и жёстким оно не казалось. Просто человек, привыкший долго смотреть прежде, чем говорить.

Он пожал ей руку.

— Мила Волконская?

— Да.

— Борис Гудман.

— Я догадалась.

Он чуть улыбнулся.

— Хорошее начало.

Мила указала на кресла.

— Надеюсь, продолжение вас не разочарует.

Первые десять минут всё шло идеально. Она рассказала о концепции, показала исторические материалы, объяснила, почему главный зал не стоит расширять, хотя технически это возможно. Борис почти не перебивал. Он листал распечатки, иногда задавал короткие вопросы и делал пометки карандашом на полях.

Потом дошли до нового ресторана.

— Нет, — сказал он.

Мила не сразу поняла, что это уже ответ.

— Что именно нет?

— Всё.

Юрист рядом с ним опустил глаза в бумаги. Лариса, сидевшая напротив Милы, едва заметно выпрямилась.

— Очень содержательно, — сказала Мила. — Может быть, уточните?

— Вы делаете красивый ресторан для людей, которые приехали в загородный отель и хотят снова оказаться в Москве.

— Мы делаем современный ресторан в историческом здании.

— Нет. Вы делаете интерьер, который можно перенести на Остоженку, в Петербург или в Берлин, и он ничего не потеряет.

— Универсальность не всегда недостаток.

— Для аэропорта — да. Для места, ради которого люди должны ехать пятьдесят километров, — недостаток.

Она почувствовала первое раздражение. Не потому, что он спорил. Спорили с ней часто. Но обычно заказчики начинали с предпочтений: «Мне не нравится цвет», «Моя жена считает тёмное дерево мрачным», «А можно больше золота?». Борис говорил так, будто видел слабость самой идеи.

Мила развернула к нему другой планшет.

— Здесь сохранены исходные пропорции зала. Мы возвращаем две заложённые арки, открываем вид на парк, используем местный камень в барной стойке. Это не универсальный интерьер.

— А настрояние?

— Простите?

— Как человек должен себя здесь чувствовать?

Она помолчала.

— Спокойно. Свободно. Ему должно хотеться задержаться.

— Тогда почему всё выглядит так, будто ему заранее объяснили, как правильно сидеть, что заказывать и куда смотреть?

Лариса перестала делать заметки.

Мила закрыла папку.

— Вы пригласили нас потому, что вам нравится работа моего бюро.

— Именно поэтому я не хочу получить её безопасную версию.

— Это не безопасная версия.

— Это очень хорошая версия. А я спрашиваю, где здесь вы.

Вопрос прозвучал почти невежливо.

— Я здесь работаю архитектором, господин Гудман. Не интерьерным автобиографом.

— Жаль. Автобиография была бы интереснее.

Она посмотрела на него дольше, чем требовала вежливость.

— Если у вас есть конкретные замечания, я готова их обсуждать.

— Есть. Уберите половину мебели.

— Нет.

— Почему?

— Потому что зал станет пустым.

— Может быть, ему полезно побыть пустым.

— Помещению?

— Людям.

Теперь Мила уже не скрывала раздражения.

— Мы проектируем отель, а не санаторий для уставших душ.

Борис засмеялся. Впервые за всю встречу по-настоящему. И это почему-то разозлило её ещё сильнее.

— Хорошо, — сказал он. — Значит, спорить вы умеете.

— Я не прохожу у вас собеседование.

— Разумеется. Вы его уже прошли.

— Тогда, может быть, перестанете меня проверять?

Он не ответил. Только перевёл взгляд на следующий план.

На обсуждение номерного фонда ушло ещё сорок минут. Борис отверг кресла, которые Мила считала почти безупречными, согласился с решением по ванной комнате, попросил оставить старые дверные ручки, хотя реставрация стоила неоправданно дорого, и неожиданно поддержал идею тёмно-зелёных стен в библиотеке, против которой возражали все его консультанты.

К концу встречи Мила обнаружила неприятную вещь: ей интересно.

Не проект — он был интересен и раньше. Интересно спорить именно с ним.

Борис не уступал из вежливости и не давил деньгами. Если соглашался, то потому, что его убедили. Если не соглашался — заставлял объяснять ещё раз. Он не пытался понравиться ей. И Мила, привыкшая к мужчинам, которые при первой возможности смягчали деловой разговор комплиментом, вдруг почувствовала себя свободнее.

Ей не нужно было быть приятной.

Можно было просто быть точной.

— Последний вопрос, — сказала она, когда остальные уже начали собирать бумаги. — Западное крыло. Вы хотите оставить там восемь номеров вместо двенадцати. Это серьёзно увеличит стоимость каждого ключа. Я бы вернула исходную планировку.

— Нет.

— Опять?

— Там будет восемь.

— Почему?

Борис встал и подошёл к плану на стене. Несколько секунд смотрел на схему, затем коснулся карандашом линии коридора.

— Потому что человек, который платит за тишину, не должен слышать, как за стеной кто-то включает фен.

— Это решается звукоизоляцией.

— Не всё решается технически.

— А чем ещё?

— Расстоянием.

Он сказал это так просто, что Мила на мгновение перестала видеть перед собой план.

Расстоянием.

Иногда Андрей сидел в метре от неё за кухонным столом, читал новости на планшете, а ей казалось, что между ними больше пространства, чем в пустом загородном доме.

Мысль пришла внезапно и была настолько неуместной, что Мила сразу же от неё отвернулась.

— Хорошо, — сказала она. — Восемь номеров. Но тогда я переработаю коридор.

— Именно этого я и хочу.

Когда остальные вышли, она осталась в переговорной собрать свои эскизы. Борис тоже не спешил. Он стоял у окна, проверяя что-то в телефоне.

— У вас всегда такая манера общения с архитекторами? — спросила Мила.

— Какая?

— Как будто вы специально ищите, где человек начнёт злиться.

— Нет. Только если мне кажется, что он слишком давно не злился.

— Это входит в бюджет проекта?

Он убрал телефон.

— Бесплатная услуга.

— Великодушно.

Борис посмотрел на неё. Не на платье, не на руки, не на лицо отдельно. Просто на неё — внимательно, без суеты. И Мила впервые за встречу ощутила не раздражение, а что-то похожее на неловкость.

— Вы очень хорошо себя контролируете, — сказал он.

— Это профессиональное качество.

— Не всегда.

— А теперь мы обсуждаем мою профессию или характер?

— Я пока не решил, что интереснее.

Она закрыла ноутбук чуть громче, чем требовалось.

— Давайте договоримся сразу. Я люблю ясные границы. Мы работаем над вашим отелем. Вы говорите, что вам нравится или не нравится. Я объясняю решения. Этого достаточно.

— Конечно.

Ответ был слишком лёгким.

Мила взяла папку.

— Тогда до следующей встречи.

— Мила.

Она обернулась.

— Да?

— Я действительно выбрал ваше бюро не случайно.

Фраза прозвучала спокойно. Ничего особенного. Хороший заказчик должен выбирать архитектора осознанно. Но почему-то она почувствовала, как внутри что-то насторожилось.

— Надеюсь, из-за портфолио.

— Из-за того, что вы умеете сохранять старое, не делая его мёртвым.

— Это и есть моя работа.

— Возможно.

Ей не понравилось это «возможно».

— А что ещё?

Борис чуть наклонил голову, будто раздумывал, стоит ли отвечать.

— Вы прекрасно проектируете чужую жизнь. А свою давно не меняли.

Несколько секунд Мила молчала.

— Это уже хамство.

— Скорее наблюдение.

— Вы ничего обо мне не знаете.

— Тогда вам не о чем беспокоиться.

Она вышла, не попрощавшись.

В лифте Мила нажала кнопку первого этажа и только потом заметила, что держит папку слишком крепко. Пальцы побелели на краю картона.

«Вы прекрасно проектируете чужую жизнь. А свою давно не меняли».

Самоуверенный идиот.

Она повторила это про себя дважды, пока лифт спускался вниз.

На улице было солнечно. Москва жила обычной весенней жизнью: машины медленно ползли вдоль тротуара, у кофейни рядом с бизнес-центром стояла очередь, девушка в коротком пальто говорила по телефону и смеялась так громко, будто ей было всё равно, кто слышит.

Мила остановилась у машины и посмотрела на своё отражение в тёмном стекле.

Тридцать девять лет. Светлое пальто. Собранные волосы. Спокойное лицо женщины, которая знает, куда едет дальше.

В одиннадцать тридцать — встреча с поставщиками. В два — авторский надзор на квартире в Хамовниках. В семь Андрей должен был забрать Агату с английского, поэтому Мила могла задержаться. В субботу они собирались к родителям Андрея. В июле — Италия, если получится совместить графики.

Её жизнь была устроена так хорошо, что в ней почти не оставалось места для случайности.

Мила открыла дверь машины и села за руль.

Телефон завибрировал.

Сообщение от Андрея.

«Как прошло? Вечером расскажешь. И не забудь, у нас билеты на четверг».

Она улыбнулась.

Вот почему фраза Гудмана была не просто хамством. Она была глупостью.

У неё хороший муж. Прекрасная дочь. Работа, о которой она мечтала ещё студенткой. Дом, который они с Андреем собирали по комнатам, споря о каждой лампе и смеясь над тем, что архитектор не может выбрать собственный диван.

Что именно ей предлагалось менять?

И зачем?

Мила завела машину.

На светофоре она снова вспомнила лицо Бориса, когда он сказал: «Где здесь вы?»

Зелёный загорелся не сразу. Сзади коротко посигналили.

Мила тронулась.

К вечеру она уже почти забыла о встрече.

Почти.

А ночью, лежа рядом с Андреем, который давно спал, она вдруг открыла глаза в темноте и без всякой причины посмотрела на обручальное кольцо.

Оно было на месте.

И всё же впервые за шестнадцать лет брака Мила подумала не о том, что оно означает.
А о том, кем она была бы без него.

Глава 2. Хороший муж

Когда Мила вернулась домой, Андрей стоял на кухне в белой рубашке с закатанными рукавами и резал лимон так сосредоточенно, будто от толщины каждого кружка зависел исход важной сделки.

На столе уже остывал чайник. Агата сидела напротив отца, подперев щеку ладонью, и с выражением обречённости смотрела в раскрытый учебник алгебры. Рядом лежал телефон, перевернутый экраном вниз — очевидно, конфискованный на время занятий.

— Если x снова окажется отрицательным, я официально отказываюсь от математики, — объявила она.

— Математика переживёт, — сказал Андрей. — А вот твоя четвертная оценка может не пережить.

Агата заметила мать и сразу оживилась.

— Мам, скажи ему, что нормальные люди не решают уравнения после восьми вечера.

— Нормальные люди делают это до восьми, — ответила Мила, снимая пальто.

— Предательство, — вздохнула дочь.

Андрей улыбнулся Миле через её голову. Улыбка была знакомой, спокойной, домашней. Такой улыбкой встречают человека, которого не нужно завоевывать заново каждый вечер, потому что он и так свой.

— Я оставил тебе суп, — сказал он. — И не говори, что опять поужинала кофе.

— Я не собиралась.

— Значит, угадал.

Он подошёл, легко поцеловал её в висок и вернулся к столу. В этом жесте не было ни нарочитой нежности, ни проверки, ни привычной супружеской обязанности. Просто шестнадцать лет жизни, сведённые к одному короткому прикосновению.

Мила вдруг вспомнила Бориса Гудмана и его голос: «Вы прекрасно проектируете чужую жизнь. А свою давно не меняли».

Она раздражённо поставила сумку на стул.

Фраза была хамской. Более того — нелепой. Человек, который видел её меньше часа, не имел никакого права рассуждать о её жизни. Тем более о жизни, в которой всё было вполне устроено.

Вот Андрей. Хороший муж. Не в рекламном, приторном смысле этого выражения, а в самом простом и потому редком. Он помнил, какой чай она пьёт. Не забывал забрать вещи из химчистки. Никогда не называл заботой контроль. Не делал из собственного заработка семейный аргумент. Если Мила задерживалась на работе, он не спрашивал, почему так поздно, — спрашивал, когда её ждать и нужно ли оставить ужин.

Когда родилась Агата, Андрей научился пеленать быстрее неё. Когда умер Милын отец, он три дня почти не отходил от жены и ни разу не сказал банального «держись». Просто был рядом. Когда пять лет назад Мила решила уйти из крупного архитектурного бюро и открыть своё, Андрей первым сказал, что это давно пора сделать, хотя тогда их семейный бюджет едва выдерживал подобную смелость.

У неё не было списка причин быть несчастной.

И всё же, пока Андрей объяснял дочери, почему минус на минус даёт плюс, Мила поймала себя на том, что смотрит на них словно через стекло.

Она видела прекрасную сцену своей собственной жизни — и почему-то не чувствовала себя её центром.

— Ты меня слышишь? — спросил Андрей.

Мила вздрогнула.

— Что?

— Я спросил, как прошла встреча.

Она помедлила ровно настолько, чтобы заметить эту паузу самой.

— Нормально. Новый объект сложный. Заказчик тоже.

— В хорошем смысле или в том, после которого ты приходишь домой и мысленно перестраиваешь человеку лицо?

Агата рассмеялась.

— Папа, это очень жестоко для интерьерного архитектора.

— Я универсален.

Мила тоже улыбнулась.

— Скорее второе.

— Значит, проект будет хороший, — спокойно сказал Андрей.

— Какая связь?

— Ты всегда лучше работаешь, когда тебе есть с кем спорить.

Эти слова неприятно попали в точку. Именно это Борис и сделал: заставил её спорить. Не соглашаться из вежливости. Не объяснять решения мягким голосом. Не сглаживать углы.

На встрече она несколько раз по-настоящему разозлилась. И несколько раз испытала почти забытое удовольствие от того, что её профессиональное решение приходится защищать перед человеком, который способен его понять, даже если не принимает.

— Может быть, — сказала она и открыла холодильник, хотя не была голодна.

— Кстати, — Андрей поднялся и достал из кармана пиджака два билета. — Чтобы сложный заказчик не испортил тебе всю неделю.

Мила посмотрела на билеты и узнала название спектакля, на который собиралась уже несколько месяцев. Билеты было почти невозможно достать.

— Андрей... где ты их взял?

— У порядочных людей есть связи.

— А у тебя?

— У меня есть секретарь, которая знает порядочных людей.

Он протянул ей билеты.

— Пятница. Никаких совещаний после шести. Я уже забронировал столик рядом с театром.

Мила провела пальцем по плотной бумаге. Ей следовало обрадоваться сильнее. Она и была рада — искренне. Просто эта радость оказалась тихой, знакомой, как любимая вещь, которую находишь там, где сам её оставил.

— Спасибо, — сказала она и поцеловала мужа в щёку.

Андрей чуть повернул голову, и её губы на секунду коснулись уголка его рта.

— Мне подходит больше, — заметил он.

— Что?

— Такая версия благодарности.

Мила засмеялась. Агата демонстративно закрыла учебник.

— Всё. При ребёнке начинается супружеская жизнь. Я ухожу.

— Сначала задача, — сказал Андрей.

— В этой семье у меня нет прав.

— Есть. Но после домашнего задания.

На несколько минут всё стало именно таким, каким и должно было быть. Простым. Тёплым. Настоящим.

Мила села рядом, попробовала суп и слушала, как Агата спорит с отцом. Дочь была похожа на Андрея упрямством и на Милу выражением глаз, когда пыталась доказать, что уже

взрослая. В пятнадцать лет она умела за пять минут обидеться, хлопнуть дверью, вернуться за зарядкой, забыть, что обиделась, и спросить, можно ли заказать новые кеды.

Мила любила смотреть на них вдвоём. Андрей никогда не делал из отцовства отдельной заслуги. Не «помогал с ребёнком», как говорили некоторые их знакомые мужчины. Агата с самого начала была его жизнью ровно так же, как её.

Позже, когда дочь ушла к себе, Андрей убрал со стола и включил кофемашину.

— Не надо, — сказала Мила. — Я и так не усну.

— Тогда чай?

— Ничего.

Он посмотрел на неё внимательнее.

— Устала?

— Немного.

— Из-за проекта?

Мила хотела сказать «да», но опять вспомнила Бориса. Не его лицо даже, а неприятное ощущение, будто во время разговора он сдвинул в ней какую-то мебель, которую она годами считала частью стены.

— Наверное.

Андрей не стал расспрашивать. Это тоже было одним из его достоинств. Он умел оставлять человеку пространство и не превращал близость в обязанность немедленно сообщать каждую мысль.

— На майские что думаешь? — спросил он. — Я посмотрел один отель под Лиссабоном. Агата хочет океан, ты хотела архитектуру. Я, как всегда, хочу чтобы меня кормили и никто не звонил.

— Под Лиссабоном?

— Покажу завтра. Там красиво. Если не понравится — выберем другое.

«Выберем». Андрей часто говорил именно так. Не «я решил», не «я забронировал, сюрприз», а «выберем». Мила когда-то очень ценила в нём эту способность не присваивать себе право знать, что лучше для всех.

И сейчас ценила.

Тогда почему внутри было так тихо?

Она посмотрела на мужа. Сорок четыре года. Спокойное красивое лицо, едва заметная седина у висков, привычка снимать часы, едва приходил домой. Андрей не стал скучным. Не перестал быть мужчиной. Не превратился в чужого человека, с которым остаются из-за ребёнка, квартиры или страха перемен.

Он был всё тем же человеком, которого она когда-то выбрала.

Проблема заключалась в том, что Мила вдруг не могла понять, была ли она всё той же женщиной, которая его выбирала.

— Ты где? — спросил Андрей.

— Здесь.

Он усмехнулся.

— Очень убедительно.

— Правда устала.

Андрей подошёл и положил ладони ей на плечи. Несколько секунд молча разминал напряжённые мышцы.

— Так лучше?

Мила закрыла глаза.

— Да.

Она чувствовала тепло его рук, знала каждый жест, каждый ритм этого прикосновения. И именно привычность вдруг показалась почти пугающей. Не потому, что ей было неприятно. Наоборот. Всё было хорошо.

Слишком хорошо, чтобы объяснить, чего ей не хватает.

В спальне Андрей первым лёг в кровать и открыл книгу. Мила долго стояла в ванной перед зеркалом, смывая макияж. На безымянном пальце поблёскивало кольцо — тонкое, гладкое, почти неощутимое. Она носила его шестнадцать лет и давно перестала замечать.

Почему сегодня она посмотрела на него?

Мила резко закрыла кран.

Это всего лишь из-за разговора с заказчиком. Из-за усталости. Из-за фразы, которую нормальный человек забыл бы через десять минут.

Она вернулась в спальню.

— В пятницу после спектакля можем пройтись пешком, если не будет дождя, — сказал Андрей, не отрываясь от книги. — Ты любишь ночью идти через центр.

— Люблю.

— Я помню.

Мила легла рядом.

Через несколько минут Андрей отложил книгу, выключил лампу и привычно коснулся её плеча. Она повернулась к нему. Они поцеловались — без торопливости, без неловкости, без необходимости что-либо доказывать друг другу.

Потом Андрей уснул.

Мила лежала на спине и смотрела в темноту.

За стеной иногда поскрипывал дом. Где-то проехала машина. На тумбочке коротко засветился экран её телефона — пришло письмо, вероятно рабочее. Она не стала проверять.

Ей было тридцать девять лет. У неё был мужчина, который любил её. Дочь, которую она обожала. Работа, выбранная самой. Дом, в котором не хотелось спастись от крика или одиночества. Будущее, которое не пугало никакой очевидной бедой.

Мила попыталась произнести про себя простую фразу: «Я счастлива».

Слова не прозвучали ложью.

Но и правдой почему-то не стали.

Она повернула голову к Андрею. В темноте было видно только линию его плеча.

Мила давно не была несчастна.

И в эту ночь впервые поняла, что это совсем не то же самое, что быть счастливой.

Глава 3. Мужчина, которому всё равно

Через три дня после первой встречи Мила снова ехала в загородный отель и заранее злилась на Бориса Гудмана.

Разумных причин для злости было немного. Он не позвонил ей ни разу. Не прислал ни одного сообщения, которое можно было бы счесть личным. Все замечания по проекту поступили через менеджера и были сформулированы сухо, почти образцово: увеличить площадь гостиной в люксах, пересмотреть свет в коридорах, сохранить старую лестницу, не трогать северную стену до заключения конструктора.

Ничего вызывающего.

И всё же каждое письмо казалось ей продолжением разговора, который она давно должна была забыть.

«Вы прекрасно проектируете чужую жизнь. А свою давно не меняли».

Фраза была настолько самоуверенной, что Мила несколько раз мысленно сочинила на неё достойный ответ. К сожалению, все достойные ответы приходили слишком поздно. В тот вечер она промолчала, потом ехала домой, ужинала с Андреем и Агатой, рассказывала о работе — и ни словом не упомянула владельца отеля.

Теперь Борис ждал её в бывшем бальном зале, где рабочие уже сняли часть старой штукатурки. Сквозь высокие окна падал холодный дневной свет. На полу лежали рулоны чертежей, у стены стояли два пластиковых стула, а посреди комнаты Борис разговаривал с прорабом, держа в руке каску.

Он заметил Милу сразу, но не прервал разговор. Только коротко кивнул, будто они виделись вчера.

Это почему-то раздражало ещё сильнее.

Мила сняла пальто, передала его помощнице и открыла папку с планами.

— Добрый день, — сказала она, когда прораб ушёл.

— Добрый.

— Я получила ваши замечания.

— Отлично.

— Некоторые из них бессмысленны.

Борис посмотрел на неё внимательнее.

— Вот теперь узнаю человека, который пришёл защищать проект.

— Я и в прошлый раз защищала проект.

— В прошлый раз вы защищали презентацию.

Мила медленно закрыла папку.

— Вы всегда разговариваете так, будто собеседник пришёл к вам на экзамен?

— Только если собеседник пытается сдать мне работу, которая мне не нравится.

— Вам не нравится мой проект?

— Мне не нравится, что вы сделали его безопасным.

Он сказал это без усмешки. Даже без вызова. Просто как факт.

Мила почувствовала, как внутри поднимается знакомое профессиональное упрямство — то самое, благодаря которому десять лет назад её считали невыносимой на совещаниях, а потом начали приглашать именно туда, где никто не мог договориться.

— Безопасность — не недостаток для отеля, — сказала она.

— Я говорю не о пожарных выходах.

— Тогда выражайтесь точнее.

Борис подошёл к плану, разложенному на складном столе.

— Здесь был дом, в котором люди проживали куски своей жизни. Не ночевали. Не потребляли услугу. Жили. Ссорились в коридорах, мирились на лестнице, узнавали плохие новости по телефону у этих окон. А вы сделали очень красивое место, где ничего не может случиться.

— Это отель, а не сцена трагического театра.

— Тем более. Люди приезжают в отель именно потому, что хотят, чтобы с ними что-нибудь случилось.

Мила усмехнулась.

— Я впервые слышу настолько сомнительное техническое задание.

— Зато вы его поняли.

Она подняла на него глаза.

Он стоял близко, но не настолько, чтобы это можно было назвать нарушением дистанции. На нём был тёмный свитер, рукава закатаны до локтей. Ни демонстративной дороговизны, ни деловой брони. И никакого желания произвести впечатление.

Именно это было неприятнее всего.

Мила привыкла чувствовать момент, когда мужчина начинает видеть в ней женщину. Взгляд задерживается на секунду дольше, голос становится мягче, шутки — осторожнее. Она не кокетничала с клиентами, но почти всегда знала, когда это происходит.

С Борисом она ничего не знала.

Он смотрел прямо. Слушал внимательно. Возражал без скидки на то, что она женщина, красивая женщина и, вероятно, привыкла к более удобной форме несогласия.

Будто ему и правда было всё равно.

— Хорошо, — сказала Мила. — Покажите, где именно, по-вашему, я убила жизнь.

Борис взял карандаш.

Следующие сорок минут они спорили о лестнице.

Мила предлагала заменить тяжёлые деревянные перила на более лёгкую конструкцию из металла и стекла. Борис хотел сохранить старое дерево, потемневшее от времени. Она говорила о свете и визуальном объёме. Он — о памяти здания. Она напоминала о стоимости реставрации. Он отвечал, что дешёвая новизна всегда дороже хорошего прошлого.

— Это красивая фраза, — сказала Мила. — И очень дорогая.

— Я могу себе позволить обе.

— Вот это уже похоже на владельца отеля.

— А вы наконец перестали со мной соглашаться из вежливости.

— Я с вами вообще не соглашалась.

— Мысленно — да.

— Вы слишком много о себе думаете.

— Возможно.

Он опять не стал защищаться.

Мила поймала себя на том, что улыбается.

Это произошло неожиданно. Не вежливая улыбка человеку, который оплачивает работу бюро. Не светская. Она действительно улыбнулась — от раздражения, от абсурдности разговора, от того, что ей вдруг стало интересно доказать ему свою правоту.

— Давайте сделаем эксперимент, — сказала она. — Снимем позднюю обшивку, посмотрим состояние дерева и только потом решим. Если реставрация имеет смысл, я переделаю узел.

— Если не имеет?

— Вы публично признаете, что архитектор иногда знает больше заказчика.

— Публично — это перед кем?

— Перед всей вашей армией строителей.

— Идёт.

— И без уточнения «иногда».

Борис впервые рассмеялся.

Смех изменил его лицо сильнее, чем Мила ожидала. Исчезла жёсткость вокруг рта, взгляд стал почти мальчишеским. На секунду ей показалось, что перед ней другой человек — не тот, который умеет одним замечанием вывести её из равновесия.

Она отвернулась к окну раньше, чем это стало заметно.

— Что ещё? — спросила она.

Они пошли по этажам.

В одном из будущих номеров Мила долго объясняла, почему хочет перенести ванную ближе к окну и открыть вид из спальни на лес. Борис слушал, прислонившись плечом к дверному проёму.

— Нет, — сказал он, когда она закончила.

— Почему?

— Потому что вы опять пытаетесь сделать красиво для фотографии.

— Вы за сегодняшний день уже второй раз обвиняете меня в профессиональном преступлении.

— Я готов сформулировать третье.

— Даже не сомневаюсь.

— Вы слишком хорошо знаете, что понравится людям.

Мила сложила руки на груди.

— Это, Гудман, называется профессией.

— Нет. Профессия — понимать, что им нужно. А понравиться — совсем другое.

Она хотела ответить резко, но он уже вошёл в комнату и остановился возле окна.

— Представьте, — сказал Борис, — человек приехал сюда один. Не фотографироваться. Не писать отзыв. Ему сорок лет, например. У него дома всё правильно. Работа, семья, привычки. И вдруг он просыпается здесь утром и впервые за много лет слышит тишину. Что вы хотите ему дать — красивый интерьер или возможность хотя бы на десять минут не быть тем, кем он обязан быть дома?

Мила не сразу поняла, почему перестала смотреть на чертёж.

— У вас очень конкретный постоялец, — сказала она.

— Любой хороший проект начинается с конкретного человека.

— Вашему человеку обязательно сорок?

— Можно тридцать девять.

Он произнёс это спокойно.

Мила посмотрела на него.

— Вы изучили мою биографию?

— Ваша биография есть на сайте бюро.

— Возраст там не указан.

— Значит, угадал.

— Вам часто так везёт?

— Реже, чем кажется.

На этот раз она не улыбнулась.

Что-то в разговоре едва заметно изменилось. Никакого флирта не было — и всё же воздух будто стал плотнее.

Мила подошла к окну. За стеклом стоял мокрый осенний лес. Тёмные стволы, жёлтая трава, узкая дорога между соснами. Отсюда город казался невероятно далёким, хотя до него было меньше часа.

— Ваш постоялец, — сказала она, — если у него действительно всё правильно, скорее всего, через десять минут засучает и полезет в телефон.

— Значит, надо сделать так, чтобы не полез.

— Интерьером?

— Не обязательно.

Она повернулась.

Борис смотрел не на неё, а куда-то за её плечо, будто фраза вообще не имела второго смысла.

Мила первой вышла из комнаты.

На втором этаже к ним присоединились инженер и дизайнер из её команды. Разговор вернулся в безопасную профессиональную область: вентиляция, мокрые зоны, высота потолка, нормы освещения. Мила неожиданно почувствовала облегчение.

А потом — разочарование от этого облегчения.

Она разозлилась на себя.

После обеда совещание продолжилось в временном офисе на первом этаже. Мила открыла ноутбук и вывела на экран новую концепцию ресторана. Она говорила спокойно, уверенно, без единой лишней паузы. Команда привыкла к такой Миле: собранной, точной, убедительной.

Борис сидел напротив и молчал.

До того момента, пока она не показала центральную часть зала.

— Нет, — сказал он.

Мила даже не остановила презентацию.

— Аргументируйте.

— Это красиво.

— Наконец-то.

— Поэтому нет.

Кто-то из её сотрудников тихо кашлянул, скрывая смех.

Мила закрыла ноутбук.

— Хорошо. Давайте без картинок. Что вы хотите?

— Чтобы здесь хотелось задержаться после ужина.

— Для этого существует бар.

— Я говорю не об алкоголе.

— А о чём?

— О том моменте, когда человек уже может уйти, но почему-то остаётся.

Мила почувствовала, как по коже прошёл почти незаметный холодок.

Она понимала, что это снова всего лишь разговор о помещении. Должен быть разговор о помещении.

— Тогда уберём центральный проход, — сказала она. — Разобьём зал на несколько более закрытых зон. Свет ниже. Столы не по оси. И никаких идеальных симметричных линий.

Борис чуть приподнял бровь.

— Продолжайте.

Мила встала.

Она подошла к экрану, взяла маркер и прямо поверх распечатанного плана начала рисовать. Передвинула бар. Развернула столы. Убрала декоративную перегородку, за которую ещё утром готова была спорить. Предложила оставить часть кирпичной кладки открытой и отказаться от слишком дорогого камня.

— Здесь будет живой огонь, — сказала она. — Не биокамин. Настоящий. Если конструктив позволяет. Здесь — два кресла, которые вообще не подходят к остальной мебели. Как будто их привезли из другого дома. И никаких одинаковых светильников над каждым столом. Пусть зал выглядит так, будто его собирали годами, а не заказали одним каталогом.

Инженер попытался что-то заметить о вытяжке, но Мила перебила:

— Проверим. Если нельзя здесь — найдём место рядом.

Она говорила всё быстрее.

Мысли появлялись одна за другой. То, что ещё час назад существовало как аккуратная, утверждаемая концепция, вдруг начало жить. Она уже видела этот зал вечером: тени на кирпичной стене, отражение огня в окнах, тихие разговоры, люди, которым не хочется расходиться.

Мила перестала думать о том, понравится ли идея заказчику.

Она просто хотела сделать её.

— И никаких телевизоров, — закончила она.

— Это жестоко, — сказал Борис.

— Вы сами хотели, чтобы люди не лезли в телефон.

— Телефон останется.

— Тогда отнимем у них хотя бы телевизор.

Все засмеялись.

Мила тоже.

Она стояла возле экрана с маркером в руке, волосы выбились из аккуратного узла, на щеке осталась тонкая серая полоска пыли — она, вероятно, коснулась лица после осмотра лестницы. Ей было жарко. Она чувствовала, как сильно бьётся сердце, хотя никаких причин для этого не было.

И вдруг поняла, что ей хорошо.

Не спокойно.

Не удобно.

Хорошо.

Это было настолько непривычное различие, что на несколько секунд она растерялась.

Совещание закончилось ближе к пяти. Сотрудники начали собирать бумаги. Инженер спорил с дизайнером о камине, кто-то искал зарядку, помощница Милы уже заказывала машину.

Мила осталась у стола, рассматривая исчерканный план ресторана.

— Теперь лучше, — сказал Борис за её спиной.

— Не привыкайте. Это не означает, что вы были правы.

— Конечно.

Она повернулась к нему.

— Вы специально провоцируете людей?

— Не всех.

— Мне от этого должно стать приятно?

— А вам нужно, чтобы я делал вам приятно?

Вопрос прозвучал совершенно ровно.

Мила почувствовала короткий, почти злой удар где-то под рёбрами.

— Мне нужно, чтобы заказчик не мешал работать.

— Я вам сегодня мешал?

Она хотела сказать «да».

Но посмотрела на план.

Утренний вариант вдруг казался мёртвым.

— Иногда, — сказала она.

— Врёте.

— Вы невыносимы.

— Это уже ближе к правде.

Мила захлопнула папку.

— Вы, кажется, решили, что очень хорошо разбираетесь в людях.

— Нет. Просто люди обычно говорят о себе больше, чем собирались.

— И что же я вам сегодня рассказала?

Борис на секунду задумался.

— Что вы очень давно стараетесь быть безупречной.

Улыбка исчезла с её лица.

Он не должен был этого говорить.

Не потому, что это было правдой. Мила сама не знала, была ли это правда. Но фраза попала туда, где у постороннего человека не было права находиться.

— Не переходите границу, Борис, — тихо сказала она.

Впервые она назвала его по имени.

Он заметил. Она увидела это по короткой паузе.

Но Борис не улыбнулся.

— Хорошо.

И отступил на шаг.

Без спора. Без шуток.

Это почему-то обезоружило сильнее любого извинения.

Мила надела пальто и вышла на крыльцо. Машина ещё не подъехала. Воздух пах сырой землёй и дымом. Ветер подхватывал листья и гнал их по гравию.

Она достала телефон.

От Андрея пришло сообщение: «Не забудь, сегодня Агата хочет выбрать билеты на каникулы. Постарайся не опоздать. Я заказал ужин».

Мила прочитала дважды.

Тёплое, обычное сообщение. Дом. Муж. Дочь. Ужин. Жизнь, в которой всё было на своих местах.

Она ответила: «Помню. Уже еду».

И сразу почувствовала спокойствие.

Почти.

За спиной открылась дверь.

Борис вышел на крыльцо, но не подошёл. Встал у перил и посмотрел на дорогу.

— Машина задерживается, — сказала Мила, сама не понимая, зачем объясняет.

— Вижу.

— Вы можете не контролировать даже это.

— Я и не контролирую.

Несколько секунд они молчали.

Мила уже собиралась отойти, когда Борис произнёс:

— Кстати.

— Что?

Он посмотрел на неё. Спокойно, без улыбки.

— Вот сейчас вы наконец похожи на женщину, которая сама придумала этот проект.

Мила хотела связать.

Хотела сказать, что его мнение её не интересует. Что архитектор не обязан быть похож на собственные чертежи. Что он опять переходит границу.

Но вместо этого спросила:

— А до этого на кого я была похожа?

Борис помолчал.

— На женщину, которая очень хорошо знает, чего от неё ждут.

Подъехала машина.

Мила открыла дверцу, села и только потом поняла, что не попрощалась.

По дороге домой она несколько раз пыталась открыть рабочую почту, но бросала телефон на соседнее сиденье.

Её раздражал Борис.

Его самоуверенность. Его манера задавать вопросы, которых никто не просил. Его странная способность говорить очевидные вещи так, будто они впервые приходят ей в голову.

И больше всего её раздражало то, что сегодня она действительно была другой.

Не лучше.

Не счастливее.

Просто живее.

У подъезда Мила посмотрела на своё отражение в тёмном стекле машины. Волосы растрепались, на щеке всё ещё оставался след строительной пыли.

Она провела по нему пальцем и вдруг улыбнулась.

Потом заметила собственную улыбку — и сразу перестала.

Дома её ждал Андрей.

И почему-то именно в этот момент Мила впервые подумала, что Борис Гудман опасен не потому, что хочет от неё слишком многого.

А потому, что, кажется, не хочет ничего.

Глава 4. Первая граница

К утру небо над городом стало низким и тяжёлым, словно кто-то опустил над крышами серое полотно. Мила заметила это ещё из окна кухни, когда Андрей наливал себе второй кофе, а Агата, не отрываясь от телефона, спорила с подругой о том, можно ли считать контрольную по геометрии уважительной причиной не идти вечером на день рождения. Всё было привычно, почти уютно, и именно поэтому Мила несколько раз напомнила себе, что сегодняшняя поездка за город — всего лишь работа.

— Возьми зонт, — сказал Андрей, кивнув на окно. — К вечеру обещают ливень.

— Я на машине.

— Машина пока ещё не научилась подъезжать к тебе прямо в помещение.

Он улыбнулся и поставил зонт у её сумки. Мила тоже улыбнулась. Когда-то такие мелочи трогали её сильнее, чем дорогие подарки. Сейчас она лишь отметила, что Андрей снова всё предусмотрел. Он всегда предусматривал. Дорогу, билеты, страховку, запасной аккумулятор в машине, лекарства в поездке, время, когда нужно забрать Агату. Рядом с ним жизнь была хорошо устроена.

Почему же тогда сегодня, застёгивая пальто, Мила думала не о муже, а о том, что Борис Гудман наверняка снова найдёт в её проекте что-нибудь, с чем можно поспорить?

Эта мысль раздражала.

Ещё больше раздражало то, что она ждала этого спора.

На объекте пахло мокрым деревом, старой штукатуркой и пылью. Реконструкция только входила в рабочую фазу: в холле уже сняли часть панелей, в одном крыле демонтировали перегородки, а старый ресторан с высокими окнами пока стоял почти нетронутым. Мила любила именно такие моменты — когда здание ещё хранило прежнюю жизнь, но новая уже была видна в линиях чертежей.

Борис ждал у лестницы. Без пиджака, в тёмной рубашке с закатанными рукавами, он выглядел менее официально, чем на встречах в бюро. И почему-то от этого — опаснее.

— Вы опоздали на три минуты, — сказал он вместо приветствия.

Мила посмотрела на часы.

— На две.

— Значит, одна минута уже наша общая.

— Не обольщайтесь. Я её вам не дарила.

В уголках его губ появилось едва заметное движение. Не улыбка. Скорее признание удачного удара.

— Пойдёмте. Хочу показать вам северное крыло до дождя.

— А если после дождя оно исчезнет?

— Тогда ваш проект станет существенно дешевле.

Она рассмеялась раньше, чем успела решить, смешно ли это. Борис посмотрел на неё чуть внимательнее, и Мила сразу пожалела о своей лёгкости. С ним ей всё время казалось, что любая естественная реакция выдаёт больше, чем она собиралась показать.

Они прошли через длинный коридор, где строители снимали старые двери. Борис задавал вопросы о материалах, спорил с цветом стен, не соглашался с предложением Милы оставить часть кирпичной кладки открытой. Она объясняла, почему не хочет превращать здание в стерильную декорацию. Он возражал. Она настаивала. Через десять минут Мила уже говорила быстро, жестикулировала и сама слышала в своём голосе ту живую резкость, которая появилась на прошлой встрече.

— Вы опять это делаете, — сказала она наконец.

— Что именно?

— Спорите просто потому, что можете.

— Нет. Я спорю, когда хочу понять, верите ли вы сами в то, что предлагаете.

— А если верю?

— Тогда защищаете. Как сейчас.

— Вам обязательно всё превращать в психологический эксперимент?

— Только то, что само просится.

Мила остановилась возле окна.

— Борис, я архитектор. Не пациент.

— Хорошо, что уточнили.

Она посмотрела на него с раздражением, но он уже пошёл дальше, будто разговор был закончен. Мила задержалась ещё на секунду. Ей хотелось сказать что-то последнее, точное, поставить его на место. Но вместо этого она догнала его.

На втором этаже они вышли на открытую галерею. Отсюда старый парк уходил вниз к реке. Деревья стояли почти чёрными на фоне тяжёлого неба, вода казалась свинцовой. Ветер сразу ударил в лицо.

— Здесь будет терраса, — сказала Мила. — Но не стеклянная коробка. Я хочу оставить воздух.

— В ноябре ваши гости проклянут этот воздух.

— В ноябре будет мобильное остекление.

— А летом?

— Летом его вообще не будет видно.

Борис облокотился на временное ограждение и посмотрел вниз.

— Оставляете людям ощущение свободы, но заранее продумываете, как их защитить от последствий.

— Это называется хороший проект.

— Возможно.

Он сказал это так, будто имел в виду не проект.

Мила уже открыла рот, чтобы спросить, что именно он хотел сказать, но в этот момент над парком раскатился гром. Крупные капли застучали по металлическому настилу. Через несколько секунд дождь превратился в плотную стену.

— Кажется, ваша машина всё-таки не умеет подъезжать внутрь помещения, — сказал Борис.

Мила резко повернула голову.

— Вы что, знакомы с моим мужем?

Вопрос вырвался сам. Борис посмотрел на неё спокойно.

— Почему вы решили?

— Это его фраза. Утром он сказал почти то же самое про зонт.

Пауза длилась всего мгновение.

— Значит, у вашего мужа здоровое отношение к погоде.

Мила ещё несколько секунд смотрела на него. Ничего в его лице не изменилось. Она пожала плечами, будто сама сочла вопрос нелепым.

— Пойдёмте внутрь.

Дождь не закончился ни через двадцать минут, ни через час. Напротив, ближе к вечеру ветер усилился, дорогу к трассе частично залило, а администратор сообщил, что на выезде упало дерево и дорожная служба уже работает, но когда проезд откроют — неизвестно.

Мила позвонила Андрею.

— Я задержусь. Здесь ливень, дорогу перекрыли.

— Оставайся там, если опасно ехать, — сразу ответил он. — Не геройствуй.

— Думаю, скоро расчистят.

— Если нет — возьми номер. Агату я заберу сам.
Ни одного лишнего вопроса. Ни тени подозрения. Только забота.
Мила почувствовала странный укол, хотя ещё ничего не сделала.
— Хорошо. Я напишу.
— И поешь нормально, а не кофе с печеньем.
— Да, папа.
— Вот за это я тебя и люблю.

Он отключился первым.

Мила ещё несколько секунд держала телефон у уха. В коридоре напротив стоял Борис. Он явно не слышал слов Андрея, но видел её лицо.

— Всё в порядке? — спросил он.
— Абсолютно.
— У вас очень убедительное «абсолютно».
— Не начинайте.
— Я и не начинал.

К девяти вечера стало ясно, что уехать сегодня вряд ли получится. Часть персонала уже разошлась по служебным комнатам, строители покинули объект раньше, ресторан для гостей не работал, но на кухне им смогли приготовить ужин. Они сели за стол у окна в старом зале, где пока не сняли тяжёлые шторы и латунные бра.

Помещение казалось совсем другим без людей. Днём здесь были рулетки, папки, голоса, шаги. Теперь — только дождь за стеклом и редкий гул ветра. Свет над их столом образовывал тёплый круг, за пределами которого огромный зал тонул в полумраке.

Мила сняла жакет и положила его на спинку стула. Впервые за день ей стало холодно не от погоды, а от слишком ясного ощущения: они здесь вдвоём.

Ничего неприличного в этом не было.

Именно это делало ситуацию особенно опасной.

— Вы всегда так молчите за ужином? — спросил Борис.
— Только с людьми, которые весь день пытаются вывести меня из себя.
— Значит, я заслужил тишину.
— Наслаждайтесь.

Он кивнул и действительно замолчал.

Мила взяла вилку, сделала несколько глотков воды, посмотрела на дождь. Прошла минута. Потом вторая. Тишина, которую она сама потребовала, вдруг показалась невыносимой.

— Вы специально это делаете?
— Что?
— Молчите.
— Вы попросили.
— Я не просила. Я сказала, что молчу.
— Теперь мы оба.
— С вами невозможно разговаривать.
— Но вы всё время пытаетесь.
Мила отложила вилку.
— Вам нравится раздражать людей?
— Не всех.
— Мне от этого должно стать легче?
— Не знаю. Вам вообще редко бывает легче от правды.
Она посмотрела на него прямо.
— Какой правды?

Борис медленно повернул бокал в пальцах.

— Например, что вам здесь интереснее, чем вы хотели бы признать.

— Здесь — это где? В полуразрушенном отеле?

— В разговоре, где вы не знаете заранее правильного ответа.

Мила почувствовала, как внутри поднимается сопротивление. Он снова делал это — говорил о ней так, словно давно наблюдал. Слишком уверенно. Слишком близко.

— Вы ничего обо мне не знаете.

— Конечно.

— Тогда почему позволяете себе такие выводы?

— Потому что вы спорите только с тем, что задевает.

— Это дешёвая уловка. Сказать человеку гадость, а если он возразит — объявить доказательством.

— Согласен. Поэтому давайте без уловок.

Он поставил бокал на стол.

— Если убрать мужа, дочь, работу и фамилию Волконская — кто останется?

Мила не сразу поняла вопрос.

— Что?

— Вы слышали.

— Это глупость.

— Возможно.

— Мой муж, моя дочь, моя работа — это и есть моя жизнь.

— Я не спросил, что составляет вашу жизнь. Я спросил, кто останется, если убрать роли.

— А вы всегда разговариваете с деловыми партнёрами как плохо воспитанный психотерапевт?

— Только когда деловой партнёр третий раз за вечер отвечает не на тот вопрос.

Мила почувствовала, как у неё вспыхнули щёки.

— Вы переходите границу.

— Да.

Ответ был настолько спокойным, что она растерялась.

— И вас это не смущает?

— Если бы смущало, я бы не переходил.

— Удивительная логика.

— Очень простая.

— Тогда я тоже скажу просто: не надо.

Борис кивнул.

— Хорошо.

И снова замолчал.

Мила ожидала продолжения. Насмешки. Ещё одного точного вопроса. Но Борис действительно отступил. Взял вилку, спросил, понравилась ли ей кухня, потом заговорил о сроках поставки камня. Через несколько минут разговор снова стал безопасным, профессиональным.

И именно тогда Мила поняла, что ей не стало легче.

Ей хотелось вернуться к тому вопросу.

Не потому, что Борис имел право его задавать.

А потому, что она не знала ответа.

После ужина администратор принёс ключи от двух номеров в старом жилом корпусе, который ещё не закрыли на реконструкцию. Борис взял один ключ и протянул второй Миле.

— Не волнуйтесь. Двери запираются.

— А я выгляжу взволнованной?

— Вы выглядите так, будто собираетесь объяснить мне, что здесь ничего не происходит.

— Здесь ничего не происходит.

— Я знаю.

Он сказал это без улыбки.

Мила забрала ключ.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Мила.

Она сделала два шага и остановилась.

За весь день он впервые назвал её по имени без официального оттенка. Не «Мила Андреевна», не «госпожа Волконская», не просто обращение в разговоре. Имя прозвучало тихо, почти буднично, но от этого почему-то оказалось слишком личным.

Она не обернулась.

В номере было прохладно. За окном дождь бил по карнизу, лампа у кровати давала жёлтый свет. Мила поставила сумку на кресло, сняла туфли и первым делом написала Андрею: «Остаюсь до утра. Дорогу ещё не открыли. Всё нормально».

Ответ пришёл почти сразу: «Хорошо. Спи. Утром позвони».

Следом — фотография Агаты. Дочь сидела на кухне с учебником, закатив глаза, а под снимком Андрей написал: «Твой ребёнок утверждает, что геометрия нарушает права человека».

Мила улыбнулась.

Она смотрела на фотографию долго. Вот её жизнь. Настоящая. Не плохая, не пустая, не чужая. Муж, который ждёт. Дочь, которая завтра пожалуется на контрольную. Дом, в котором её вещи лежат там, где она их оставила. Работа, которую она выбрала сама.

Так почему один вопрос незнакомого мужчины заставил всё это на несколько секунд показаться набором хорошо исполненных ролей?

Она подошла к зеркалу.

Оттуда смотрела женщина тридцати девяти лет. Ухоженная, уверенная, дорогая стрижка, спокойное лицо. Жена Андрея Волконского. Мать Агаты. Архитектор. Руководитель проекта.

Мила попыталась мысленно убрать одно за другим.

Жена.

Мать.

Архитектор.

Волконская.

И вдруг испугалась не пустоты.

Испугалась того, что не знала, как назвать то, что останется.

Она выключила свет, легла и закрыла глаза.

Через стену или через несколько номеров — Мила не знала точно — находился Борис Гудман. Мужчина, которого она едва знала и которому совершенно не собиралась позволять разбирать её жизнь на части.

Она злилась на него.

Серьёзно, почти по-настоящему.

Но уже перед самым сном поняла неприятную вещь.

На самом деле она злилась не на Бориса.

Она злилась на себя за то, что не смогла ответить.

Глава 5. Не пишите мне ночью

Вечером Мила почти не вспоминала о Борисе. Во всяком случае, так она сказала бы, если бы кто-нибудь спросил. День после поездки на объект оказался плотным: два совещания, правки по гостиничным номерам, разговор с подрядчиком, который опять пытался объяснить ей, что «так всегда делают», словно привычка могла заменить здравый смысл. К семи она уже мечтала только о тишине.

Дома пахло запечёнными яблоками и корицей. Агата сидела за кухонным столом, положив подбородок на ладонь, и спорила с Андреем о школьном проекте. Андрей терпеливо объяснял ей что-то про проценты и диаграммы, а Агата возмущённо доказывала, что «живые люди вообще не думают диаграммами». Увидев мать, она сразу улыбнулась.

— Мам, скажи ему, что презентация не обязана выглядеть как отчёт перед советом директоров.

— Она обязана выглядеть так, чтобы учитель понял, что ты хотела сказать, — ответил Андрей, не оборачиваясь. — А не так, будто её собрал человек в состоянии художественного восторга.

— Папа, ты сейчас оскорбил половину класса.

— Я ещё не видел половину класса.

Мила рассмеялась, сняла пальто и на секунду задержалась в дверях кухни. Перед ней была её жизнь — тёплая, разумная, устроенная до мелочей. Муж, который не забывал выключить духовку. Дочь, которая всё ещё звала её советоваться, хотя уже начинала смотреть на родителей сверху вниз тем особенным подростковым взглядом, в котором любовь постоянно маскировалась под снисхождение. Дом, где каждая вещь стояла на своём месте. Даже свет над столом был таким, каким Мила когда-то придумала его сама.

Она подошла к Андрею и коснулась губами его виска. Он машинально накрыл её руку своей.

— Устала?

— Немного.

— Поешь. Я оставил тебе рыбу.

Всё было правильно. Настолько правильно, что воспоминание о пустом ресторанном зале, дожде по стеклу и голосе Бориса показалось почти неприличным. Мила отогнала его, как отгоняют мысль, не имеющую отношения к настоящей жизни.

После ужина Агата ушла к себе. Андрей включил новости без звука и сел с ноутбуком в гостиную. Мила устроилась рядом, открыла планшет и ещё раз просмотрела план реконструкции. Она заставила себя сосредоточиться на цифрах, сроках и материалах. В этом было спасение: линии не задавали вопросов. Стены не спрашивали, кто останется, если убрать мужа, дочь, работу и фамилию.

В половине одиннадцатого Андрей закрыл ноутбук.

— Я спать. Ты скоро?

— Минут через двадцать.

— Не сиди до ночи.

Он поцеловал её в макушку и ушёл. Мила услышала, как в спальне зашуршала вода в ванной, потом хлопнула дверца шкафа. Она осталась в гостиной одна.

В 00:47 экран телефона вспыхнул на журнальном столике.

Сообщение пришло от Бориса.

«По второму этажу. Если переносим перегородку у северного номера, окно остаётся в оси или вы будете смещать проём?»

Мила посмотрела на время и нахмурилась.

Можно было не отвечать. Более того, нормальный человек не отвечал бы на рабочий вопрос почти в час ночи. Она отложила телефон, снова взяла планшет и даже успела прочитать две строки технического задания.

Потом взяла телефон обратно.

«Окно остаётся. Если сместить, фасад развалится по ритму».

Ответ пришёл почти сразу.

«Я знал, что вы не спите».

Мила почувствовала раздражение. Слишком быстрое и потому подозрительно похожее на другое чувство.

«Вы всем подряд пишете после полуночи?»

Три точки появились на экране, исчезли, появились снова.

«Только людям, которые отвечают».

Она невольно улыбнулась.

«Тогда это не аргумент в вашу пользу».

«А я и не пытаюсь выглядеть лучше».

Эта фраза почему-то задела её сильнее, чем могла бы. Андрей всегда старался быть лучше — не показательно, не ради чужого одобрения, а потому что считал это естественным. Надёжнее. Разумнее. Спокойнее. Борис же будто заранее отказывался участвовать в любом конкурсе на правильность.

Мила набрала: «На сегодня всё». Стерла. Написала: «Пришлите утром обновлённый план». Снова стерла.

Вместо этого отправила: «Вы всегда задаёте вопросы, на которые уже знаете ответ?»

На этот раз он ответил не сразу.

«Нет. Только те, на которые человек боится ответить сам себе».

Мила откинулась на спинку дивана.

Ей следовало закончить разговор. Именно сейчас. Телефон был у неё в руке, дверь спальни — в нескольких шагах, за дверью спал Андрей, и всё, что нужно было сделать, — нажать на экран, пожелать спокойной ночи и больше ничего не писать.

Но она написала:

«Вы слишком многое себе позволяете».

«Вы слишком многое мне отвечаете».

Мила замерла.

В этой простой фразе не было признания, намёка или требования. И всё же она мгновенно почувствовала, как меняется воздух вокруг неё. До этой минуты можно было делать вид, что переписка остаётся рабочей. Что они обсуждают окна, перегородки и проект. Теперь между строк появилось нечто третье — невидимое, но уже существующее.

Она поставила телефон экраном вниз.

Прошла на кухню, налила воды и выпила половину стакана стоя. В тёмном стекле окна отражалась женщина в домашнем свитере, с собранными волосами и усталым лицом. Никакой тайны в ней не было. Никакого преступления. Ничего, что могло бы разрушить шестнадцать лет брака.

И всё же, возвращаясь в гостиную, Мила уже знала, что снова посмотрит на экран.

Сообщение ждало её.

«Вы злитесь?»

Она ответила:

«Я думаю».

«Это опаснее».

«Для кого?»

Пауза затянулась. Мила поймала себя на том, что ждёт. Не просто ждёт ответа — прислушивается к каждому короткому звуку дома, словно боясь, что Андрей выйдет из спальни и увидит её с телефоном в руке.

Наконец экран вспыхнул.

«Пока не знаю».

Мила посмотрела на эти три слова и вдруг засмеялась беззвучно. Ей было тридцать девять. Она управляла сложными проектами, подписывала договоры на миллионы, могла за десять минут понять, где подрядчик врёт по смете. Но сейчас сидела ночью на диване и чувствовала себя так, будто впервые в жизни получила сообщение от мужчины, мнение которого почему-то стало важным.

«Доброй ночи, Борис».

Она отправила это прежде, чем успела передумать.

Ответ пришёл через несколько секунд.

«Доброй ночи, Мила».

Он впервые назвал её по имени.

Она перечитала сообщение дважды.

Потом выключила экран и пошла в спальню.

Андрей спал на боку, отвернувшись к окну. На его тумбочке лежали очки, рядом — стакан воды. Всё было знакомо до боли. Мила тихо легла, стараясь не разбудить его. Андрей, не просыпаясь, протянул руку и положил ладонь ей на бедро — привычное движение человека, который знает, что она рядом.

Мила на секунду прикрыла глаза.

Телефон лежал на её тумбочке.

Она открыла глаза снова.

Секунду смотрела в темноту, затем осторожно высвободилась из-под руки Андрея, взяла телефон и открыла переписку.

Палец завис над экраном.

Мила никогда раньше не удаляла сообщения от мужчины только потому, что муж мог их увидеть. У неё бывали рабочие переписки, поздние звонки, шутки коллег, благодарности клиентов — всё это существовало открыто, не требуя защиты.

Теперь требовало.

Она нажала «Удалить чат».

Экран стал пустым.

Мила положила телефон на место и долго лежала неподвижно.

Никакой измены ещё не было. Борис не касался её. Она не сказала ему ни одного слова, за которое можно было бы осудить жену. Если бы кто-нибудь прочёл их разговор, он, возможно, даже пожал бы плечами.

Но Мила уже знала правду.

Измена началась не с поцелуя.

Она началась в тот момент, когда ей впервые понадобилось что-то спрятать от человека, рядом с которым она прожила шестнадцать лет.

И самым страшным было то, что, удаляя переписку, Мила не чувствовала облегчения.

Она чувствовала ожидание следующего сообщения.

Глава 6. Телефон

Утро началось так обычно, что Мила почти поверила: ночной переписки не было. Не было экрана, светившегося в темноте, коротких фраз Бориса, на которые она отвечала быстрее, чем успевала подумать, и того странного облегчения, с которым потом стирала сообщения одно за другим. Осталась только усталость после позднего сна и ощущение, будто она проснулась в комнате, где ночью кто-то незаметно переставил мебель.

На кухне Андрей варил кофе. Агата, уже в школьной форме, стояла перед холодильником и без особой надежды искала там что-нибудь, что можно было съесть за две минуты и назвать завтраком.

— Йогурт на верхней полке, — сказала Мила, входя.

— Я его вижу. Я надеялась на чудо.

— Чудо было вчера. Ты съела последний круассан.

Агата закрыла холодильник и посмотрела на мать с выражением человека, которого жизнь снова обошла несправедливо.

— В этой семье невозможно быть подростком.

— Зато удобно быть драматургом, — заметил Андрей и поставил перед Милой чашку. — Без сахара. Как ты любишь.

Она машинально улыбнулась. Всё было на месте: Андрей в белой рубашке, ещё без пиджака; Агата, недовольная ранним утром; кофейный аромат; стеклянная дверь на балкон, за которой медленно светлело небо. Дом, в котором Мила знала каждую царапину на столе и каждое движение мужа. Дом, где до вчерашнего вечера ей нечего было прятать.

Телефон лежал рядом с её чашкой экраном вниз.

Она заметила это почти сразу и тут же рассердилась на себя. Раньше телефон мог лежать как угодно. На диване, в ванной, у Андрея на столе. Агата брала его, чтобы сфотографировать кота соседей из окна или проверить погоду. Андрей мог ответить на звонок, если Мила была в душе. Никаких правил не существовало, потому что не существовало причин их придумывать.

Теперь Мила сидела и знала, где именно лежит телефон.

— Ты сегодня на объект? — спросил Андрей.

— После обеда.

— К этому Гудману?

Имя прозвучало буднично. Настолько буднично, что Миле стало неприятно.

— Да. У нас согласование по входной группе и номерам второго корпуса.

— Строгий заказчик?

— Обычный.

Она сказала слишком быстро и опустила глаза в чашку.

Андрей ничего не заметил. Или не подал вида. Он проверил время, напомнил Агате о контрольной, потом ушёл в спальню за пиджаком. Мила проводила его взглядом и впервые подумала о том, как легко ложь входит в дом, если ей не задают прямого вопроса.

Она ведь не солгала. Борис действительно был заказчиком. И действительно сегодня было согласование. Слово «обычный» тоже нельзя было проверить приборами.

Но именно оно и оказалось ложью.

Агата допила сок и потянулась через стол.

— Мам, можно твой телефон? У меня сел. Я хочу написать Лере, чтобы она захватила мою флешку.

Мила накрыла телефон ладонью раньше, чем успела понять, что делает.

Дочь замерла.

— Что?

— Ничего. Я сама напишу.

— Я могу сама.

— Агата, я сказала, что напишу.

Голос прозвучал резче, чем требовалось. Девочка отвела руку.

— Ладно.

Мила сразу почувствовала стыд. Она разблокировала телефон, открыла мессенджер, нашла Леру и протянула аппарат дочери.

— Извини. Я не выпалась.

Агата пожалала плечами. Для неё эпизод уже почти закончился. Для Милы — нет.

Пока дочь печатала сообщение, она следила за каждым движением её пальцев. Переписка с Борисом была удалена. Она знала это точно. Ночью проверила дважды. И всё равно тело вело себя так, будто внутри телефона лежало доказательство преступления.

Агата вернула аппарат.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Экран погас. Мила положила телефон в сумку, застегнула молнию и только после этого поняла, насколько нелепо это движение.

Андрей вернулся на кухню уже в пиджаке. Он поцеловал Агату в макушку, Милу — в щёку.

— Сегодня поздно не буду. Если хочешь, поужинаем где-нибудь втроём.

— Давай.

— Тогда выбери место.

— Хорошо.

Он вышел первым. Через минуту хлопнула дверь, и в квартире стало тише.

Мила смотрела на свою сумку.

Ничего не произошло. Никакого разоблачения. Никакой сцены. Никто не прочитал чужое сообщение. Никто не потребовал объяснений.

Но утро уже было испорчено не тем, что Андрей мог что-то узнать, а тем, что она боялась этого.

В бюро Мила попыталась уйти в работу. Это обычно помогало. Чертежи не задавали лишних вопросов, линии не требовали честности, смета не интересовалась тем, почему ночью ты улыбаешься чужому мужчине.

Она проверила визуализации, внесла замечания по свету, дважды вернула дизайнеру подбор мебели. Коллеги видели собранную Милу Волконскую — ту самую, которая замечала ошибку в масштабе раньше, чем человек успевал оправдаться.

Только телефон лежал справа от ноутбука, и всякий раз, когда экран загорался, она смотрела на него раньше, чем на чертёж.

Борис не писал.

До обеда пришло четыре рабочих сообщения, два рекламных уведомления, сообщение от Агаты и фотография от Андрея — смешной пёс в машине на соседней полосе. Бориса не было.

Мила поймала себя на ожидании и рассердилась.

Ночью она сама написала: «Не пишите мне ночью». Не приказала, конечно. Скорее сказала фразу, которой хотела вернуть разговор в безопасные границы. И Борис, судя по всему, понял её буквально.

Это должно было радовать.

Вместо этого раздражало.

В половине второго она поехала на объект. Дорога заняла сорок минут. Осеннее небо висело низко, поля за городом выглядели серыми и пустыми. Мила включила радио, потом выключила. Несколько раз брала телефон в руку на светофоре и тут же клала обратно.

Она не собиралась ему писать.

И всё же мысленно сочиняла фразы, которые можно было бы назвать рабочими.

«Уточните, пожалуйста, решение по террасе».

Слишком очевидно.

«Я буду через двадцать минут».

Он и так знал.

«Надеюсь, сегодня обойдёмся без философии».

Это уже вовсе не работа.

Мила усмехнулась своему отражению в зеркале заднего вида и почувствовала досаду. Ей было тридцать девять. У неё был муж, пятнадцатилетняя дочь, собственное имя в профессии и десятки решений, которые зависели от неё каждый день. А сейчас она вела себя как женщина, пытающаяся придумать нейтральный повод написать мужчине, которого вчера попросила не писать ночью.

На объекте Борис встретил её у входа в старый корпус. На нём было тёмное пальто, под мышкой — папка с документами. Никакой улыбки. Никакого намёка на ночной разговор.

— Добрый день, Мила.

Он впервые назвал её по имени без отчества. Или ей показалось, что впервые.

— Добрый.

— Начнём со второго этажа?

— Начнём.

Следующие два часа он был безупречен. Задавал точные вопросы, спорил только там, где действительно не соглашался, принимал решения быстро. Ни одного личного слова.

Это было ровно то, чего она хотела.

И именно поэтому Мила чувствовала себя всё хуже.

На лестнице они остановились у большого окна. Рабочие сняли старую раму, и в проёме стоял холодный воздух. Борис что-то говорил о сроках поставки стекла, но Мила почти не слушала.

— Вы меня слышите? — спросил он.

— Конечно.

— Тогда повторите, что я сказал.

Она посмотрела на него.

— Вы всегда проверяете людей?

— Только когда вижу, что они мыслями не здесь.

— А где я, по-вашему?

— Не знаю. Сегодня вы особенно тщательно закрываете двери.

Мила почувствовала знакомое раздражение — и облегчение от того, что он всё-таки снова стал прежним.

— Вы обещали говорить о проекте.

— Я и говорю. Вы стоите в оконном проёме и не слышите половину того, что касается проекта.

— Потому что вы говорите медленно.

— Нет. Потому что вы ждёте другого разговора.

Он сказал это спокойно. Без победы в голосе.

Мила отвернулась к окну.

— Вы слишком много о себе думаете.

— Возможно.

— И слишком много обо мне.

— Это уже ваша версия.

Он пошёл дальше. Мила осталась на секунду у окна, потом последовала за ним, злясь на то, что он снова оставил последнюю реплику себе.

К вечеру они закончили. Борис проводил её до машины, но не задержал, не предложил кофе и не напомнил о ночной переписке.

— Завтра пришлю комментарии по номерам, — сказал он.

— Днём?

Он посмотрел на неё чуть внимательнее.

— Днём.

Мила открыла дверь машины.

— Хорошо.

— Вы ведь сами попросили.

Она подняла взгляд.

— Я помню.

— Тогда почему вы сердитесь?

— Я не сержусь.

— Конечно.

Он отступил на шаг, давая ей возможность сесть.

— До завтра, Мила.

Она захлопнула дверь сильнее, чем собиралась.

Домой Мила вернулась раньше Андрея. Агата делала уроки у себя, из комнаты доносились музыка. Мила переоделась, собрала волосы и начала готовить ужин. Она резала овощи слишком аккуратно, будто от одинаковой толщины ломтиков зависело, вернётся ли мир на место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.